

Бэйчэнь Цин опешил от слов Ян Е. Некоторое время он лишь хлопал глазами, растеряв весь дар речи, и наконец выдал:

— Нет-нет-нет, это исключено! Я не справлюсь, лучше уж ты сам... Хотя нет, постой, тебе туда тоже соваться не стоит! Молодчик ты мой, пощади, а? Христа ради, избавь меня от этого безумия!

Видя, что Ян Е и не думает отступаться, Бэйчэнь Цин поспешил отвлечь его:

— Ладно, будет тебе. Давай-ка лучше на твою грудь поглядим.

Он принялся внимательно рассматривать рану, всячески пытаясь утихомирить развоевавшегося маркиза:

— Ну точно, так и есть... Изувечил он тебя знатно. Может, заставим его расплатиться? Пусть до конца дней своих тебя содержит, как тебе такое?

Но едва эти слова сорвались с губ, Бэйчэнь Цин похолодел от собственной глупости. Ему безумно захотелось отвесить себе пару хороших пощёчин за столь длинный язык.

Ян Е даже не заметил нелепости этого предложения. Он лишь зло сплюнул:

— Да этот ублюдок ни рыба ни мясо, вылитый мертвяк! Тьфу, аж аппетит пропадает. Позабавиться с ним — это ещё куда ни шло, но связывать себя с этой падалью на всю жизнь? Ну уж нет!

Бэйчэнь Цин мысленно хмыкнул:

Бэйчэнь Цин мысленно хмыкнул: «Что ж ты тогда лапал его так, что я оттащить не мог?»

Будучи человеком прямодушным и кротким, Юньци оставил язвительные мысли при себе. В этот момент полог палатки приподнялся, и снаружи донёсся голос Ма Тяньбао:

— Господин маркиз, генерал Бэйчэнь! Этот господин Лин упёрся рогом: крошки в рот не берёт, даже глотка воды делать не желает. Что нам с ним делать? Ждём ваших указаний.

— Не жрёт? — свирепо огрызнулся Ян Е. — Так пускайдохнет с голоду!

— Будет тебе, — поспешно замахал руками Бэйчэнь Цин. — Если он дубу даст по дороге к

заставе Тунгуань, у нас начнутся крупные неприятности. Давай я сам схожу, потолкую с ним. Делов-то на пару дней, чего ради он голодовку объявил?

Он поднялся, собираясь выйти, но Ян Е мёртвой хваткой вцепился в его рукав. Обернувшись в изумлении, Бэйчэнь Цин наткнулся на полный бешеной ярости взгляд маркиза.

— Я сам пойду! — процедил тот сквозь зубы.

Маркиз выглядел так, словно шёл на смертный бой: он закатал рукава, сжал кулаки и весь подобрался, источая неистовую энергию. О своих недавних тяжёлых ранах он, похоже, напрочь позабыл.

— Сяо Лан! — взмолился Бэйчэнь Цин. — Ради всего святого, не подходи к нему близко! Держись хотя бы шагах в трёх, ты меня слышишь?

Ян Е обернулся через плечо:

— Это ещё почему?

— Да просто послушай меня, горе ты моё луковое! Хоть раз в жизни сделай, как я прошу!

Но маркиз уже вихрем вылетел наружу. Расслышал он предостережение или пропустил мимо ушей — оставалось только гадать.

Между палатками сновали патрульные. Ян Е, который по наставлению Чжао-вана Ян Си частенько наведывался к генералу Правой гвардии Юань Оумину ради кутежей и праздного безделья, был здесь лицом примелькавшимся. Солдаты то и дело почтительно кланялись ему. Кое-как отмахнувшись от приветствий, маркиз быстрым шагом направился к шатру, где содержали пленника, и бесцеремонно ворвался внутрь.

Картина предстала безотрадная. Лин Шу, туго спелёнутый прочными сухожилиями, был прикручен к хлипкому деревянному стулу. На плечах его висело тёмное поношенное одеяние Бэйчэнь Цина, из-под которого виднелись обнажённые икры. Растрёпанные волосы грязными прядями падали на плечи. Всего за сутки от его бывшего лоска и высокомерия, которыми он щеголял в узилище Верховного суда, не осталось и следа.

Братья Ма Тяньюнь и Ма Тяньхуа караулили узника по обе стороны, однако строго следовали наказу Бэйчэнь Цина и стояли в трёх шагах от него. В руке Тяньюня сиротливо торчала ложка. Чуть поодаль стояли Нянь Вэй и девица Фэн Гэ. Последняя держала миску с пышными пампушками-маньтоу, а Нянь Вэй переминался с ноги на ногу с пиалой дымящейся рисовой каши — судя по всему, сваренной на скорую руку специально для дорогого гостя. Они как раз безуспешно уговаривали пленника поест, но с появлением Ян Е тут же прикусили языки. Лин Шу одарил вошедшего ледяным взглядом и безразлично опустил голову.

Ян Е окинул присутствующих цепким взглядом, задержавшись на Фэн Гэ.

— А ты чего здесь отираешься? — усмехнулся он. — Порядочным девицам не пристало якшаться с солдатами да светить лицом перед кем попало. Ступай к себе!

Девушка смерила его недовольным взглядом, сунула миску в руки Нянь Вэя и поспешила убраться восвояси.

Натянув на лицо притворно-приветливую мину, Ян Е ехидно протянул:

— Ох, батюшки, господин Лин, что с вами? Неужто брезгуете нашей бесхитростной солдатской стряпнёй? Оно и понятно: маньтоу пресные, даже человечьим мяском не начинённые — тоска, а не еда! А это что за бурда в миске? Ни изысканного отвара «Белые брови Трёх Чистот», ни целебного настоя из столетнего женьшеня... Вы же у нас птица высокого полёта, любимчик самого государя! Разве гоже вам такое пойло предлагать?

Нянь Вэй, прекрасно понимая, что маркиз просто издевается над пленником, угодливо заулыбался, но промолчал. Сам же заместитель судьи и бровью не повёл — язвительные подначки отскакивали от него, как от каменной стены.

Ян Е задело это ледяное пренебрежение.

— Но тут уж не обессудьте, уважаемый, — вкрадчиво продолжил он, шагнув ближе. — Здесь вам не чертоги Верховного суда и уж точно не императорский дворец. Чем богаты, тем и рады. А если вы воротите нос, то это, знаете ли, чёрная неблагодарность. Ну же, открывайте рот, не заставляйте просить дважды.

Маркиз бесцеремонно вырвал пиалу из рук Нянь Вэя и ткнул её прямо в лицо Лин Шу, едва не выбив ему зубы глиняным краем. Пленник лишь слегка отвернулся и прикрыл глаза, храня упорное молчание.

Ян Е вперился взглядом в его бледное, словно выточенное из нефрита лицо. В груди вскипела глухая злоба. Издав утробный рык, он стремительным, как бросок гадюки, движением вцепился пальцами в подбородок мужчины. Надавив на суставы с силой, он бесцеремонно вывихнул Лин Шу челюсть и принялся силой вливать жижу прямо в разверстый рот.

Кое-как опорожнив пиалу, Ян Е с довольным видом резким щелчком вернул челюсть пленника на место. Однако стоило ему отпустить бедолагу, как того вывернуло наизнанку. Лин Шу сдавленно хрипнул и изверг всё до последнего глотка прямо на колени. Его сотряс сильнейший приступ удушливого кашля, лицо мгновенно налилось багровой кровью. Жалкое зрелище.

Маркиз, стоявший вплотную, отпрянуть не успел. Вонючая жижа ручьём потекла по его роскошному шёлковому халату.

Взбесившись от такой наглости, Ян Е наотмашь отвесил пленнику две звонкие затрешины, а затем, ухватив его за спутанные волосы и силой заставив закинуть голову, бешено заорал:

— Ах ты ж сучий потрох! Какого чёрта ты корчишь из себя недотрогу?! Каша ему, видите ли, не по вкусу! Да ты хоть знаешь, падаль, что у меня солдаты на передовой и такой бурды не видят?! Жрут сухие лепёшки, запивая болотной водой, а как доберёмся до северо-западных рубежей, так и солонины не останется! Припрёт — кору с деревьев глотать будешь и землю рыть! Все мы из одного теста слеплены, с чего вдруг ты возомнил себя небожителем?! Нянь Вэй, тащи ещё миску! Если этот ублюдок опять посмеет выплюнуть — я его собственными руками придушу!

Нянь Вэй кубарем вылетел наружу и через мгновение вернулся со свежей порцией. Перехватив пиалу, Ян Е зловеще прошипел прямо в лицо Лин Шу:

— Слушай сюда, псина сутулая. Либо ты сейчас сам всё вылакаешь, либо я... Как думаешь, на что способен разгневанный маркиз Хуайнань?

В ответ Лин Шу лишь прикрыл веки, всем своим видом выказывая тупое, безразличное упрямство. Ян Е с яростью осознал, что с самого вчерашнего дня, как этот гордец угодил к нему в когти, тот не проронил ни единого звука. Это молчание доводило маркиза до иступления. Он уставился на искусанные губы мужчины — некогда нежно-розовые, а теперь сухие, мертвенно-бледные, но всё ещё сохранившие изящный, манящий изгиб. Они были сжаты в упрямую тонкую линию.

Кровь у Ян Е мгновенно вскипела, ярость причудливо смешалась с тёмным, порочным вожделением и ударила в голову. Жадным жестом облизав губы, он похотливо осклабился:

— Что ж, господин Лин... В таком случае мне придётся покормить вас из собственных уст.

Набрав в рот тёплой рисовой жижи, маркиз резко наклонился и бесцеремонно впился в губы пленника.

Связанный по рукам и ногам Лин Шу не мог увернуться. Он лишь отчаянно мычал, намертво стиснув зубы. Ян Е безжалостно ввинчивал свой язык между его губ, пытаясь силой разжать челюсти. Липкая каша пачкала подбородки, стекая за шиворот, но маркиза это уже не заботило. Грубая ласка распаляла его всё сильнее; хмелея от сопротивления, он продолжал неистово терзать чужой рот.

Ма Тяньюнь неловко кашлянул и отвернулся. Ма Тяньхуа закатил глаза к потолку палатки и последовал примеру брата. Лишь Нянь Вэй заворожённо наблюдал за происходящим, после чего угодливо поддакнул:

— Сила и удаль господина маркиза воистину не знают границ! Нам всем есть чему у вас поучиться!

Не отрываясь от своего занятия, Ян Е глухо рявкнул:

— Пошли вон отсюда! Нечего глазеть!

Тем временем Бэйчэнь Цин, терзаемый смутными сомнениями, не выдержал и поспешил к шатру пленника в сопровождении Ма Тяньбао. Полог палатки был откинут, и вошедшему Юньци предстала весьма пикантная сцена.

Обомлев от увиденного бесчинства, он потрясённо выдохнул:

— Ян Е!.. Нуаньлинь!.. Сяо Лан, твою дивизию!

В этот момент раздался громкий треск. Увлёкшись, маркиз навалился всем телом и опрокинул стул вместе с привязанным к нему Лин Шу. Оба с грохотом покатались по земляному полу.

Бэйчэнь Цин рванулся вперёд, мёртвой хваткой вцепился в плечи Ян Е и с силой оттащил его от несчастного.

— Сяо Лан! — в сердцах прикрикнул он. — Тебе что, повылазило?! Я кому говорил близко к нему не подходить?!

Маркиз недовольно отряхнулся и буркнул:

— Вечно ты лезешь под руку и всё веселье портишь. Я только во вкус вошёл!

Цин нахмурился пуще прежнего.

— Поднимите господина Лина, — скомандовал он подбежавшим стражам, а затем железной хваткой увлёк упирающегося маркиза за собой на свежий воздух.

Ян Е продолжал бубнить и брыкаться:

— Дапусти ты! С чего ты взял, будто он мне сдался? Я же просто издеваюсь над ним, неужели не ясно? Решил проучить спесивца за всё хорошее! Или ты ревновать вздумал, а, Бэйчэнь Цин?

Бэйчэнь Цин оставил эту нелепую болтовню без ответа. Немного помолчав, он самым серьёзным тоном отчеканил:

— С сегодняшнего дня я буду ночевать в одной палатке с Лин Шу. А ты перебирайся к Нянь Вэю и ребятам.

Ян Е аж подпрыгнул на месте:

— Это ещё с какого перепугу?! Он тебе кто вообще такой, что ты перед ним на цыпочках ходишь и пылинки сдуваешь?!

Цин лишь снисходительно усмехнулся:

— Он ведь любимчик государя, ты сам только что об этом кричал. Поздний уже час, ступай спать.

Не слушая возражений, он легонько подтолкнул его в спину, выпроваживая прочь. Нянь Вэй тут же пристроился следом, уводя ворчащего маркиза в его новые покои.

Спустя четыре дня войско подошло к заставе Тунгуань. Всё это время Бэйчэнь Цин оберегал пленника пуще зеницы ока, карауля его от набегов Ян Е, точно от вороватого воришки. Бэйчэнь Цин часами сидел подле Лин Шу, безуспешно пытаясь расшевелить бедолагу мягким словом и уговорами. Тот, однако, стоял на своём: ни крошки не брал в рот и хранил гробовое молчание. Изредка Бэйчэнь Цину удавалось влить в него пару глотков воды, но это не спасало положения. Силы стремительно покидали Лин Шу, лицо приобрело прозрачную белизну, и лишь взгляд становился всё более пронзительным и чистым, точно лесной родник.

Видя это угасание, Ян Е изнывал от бессильной злобы. Ему до зуда в ладонях хотелось сорвать на упрямце злость, вволю поизмываться над беззащитным телом, но Бэйчэнь Цин раз за разом мягко, но решительно пресекал любые его попытки приблизиться.

В столице Ян Е привык ни в чём не знать отказа. Знатные отпрыски и вельможи в Чанъане сплошь и рядом прятали свою спесь и порочность под маской благопристойности и изящных манер. Ян Е же был чужд подобного притворства: необузданный и буйный внутри, он и снаружи оставался сущим дьяволом, никогда не утруждая себя лицемерием. И всё же перед упрямством побратима ему пришлось отступить.

Как-то раз он в очередной раз накинулся на Бэйчэнь Цина с расспросами:

— Да почему ты мне ходу к нему не даёшь?! Какое там «прикоснуться» — я просто хочу растоптать его спесь, отомстить этой твари! Отыгаться за всё сполна!

Юньци ответил со спокойным вздохом:

— Для твоего же блага стараюсь, Сяо Лан. О причинах не спрашивай, всё равно не скажу.

— Да с какой стати?! Говори давай, выкладывай всё начистоту! — не унимался маркиз. — А коли молчишь, значит, точно ревнуешь. Что ж ты раньше не признался? Я бы живо тебя ублажил!

С этими словами он с зубоскальством кинулся на Бэйчэнь Цина, пытаясь защекотать его и повалить на постель. Опешив от такого напора, Бэйчэнь Цин еле отбилась от шаловливых рук побратима и взмолился:

— Пощадите, господин маркиз! Малохольный я, куда мне... Истину говорю, только о вашей пользе и пекусь!

Когда-то Бэйчэнь Цин действительно принадлежал к числу челяди в поместье князя Чжао, но Четвёртый принц Ян Си давно даровал ему вольную. И всё же, возвращаясь к старым привычкам, тот порой поминал прежнее рабское положение.

Ян Е сразу посмурился.

— Опять ты за своё! — недовольно буркнул он.

Поняв, что от побратима толку не добиться, маркиз лишь развернулся и ушёл восвояси, несолоно хлебав.

Застава Тунгуань оплотом высилась на стыке путей между землями Гуаньчжуна и Лояном. Это гиблое, испещрённое кручами место испокон веков считалось ключевым военным узлом империи. Проход стерегли два мощных форта, зажатые меж отвесных скал на севере и юге, а над ущельем грозно вздымались неприступные бастионы крепостной стены.

Сразу за воротами начинались владения князя Гуаньчжуна Цэнь Цзиня. Тот оставался единственным уцелевшим удельным владыкой иного рода в империи Да Янь — этот титул он заслужил ещё во времена Прежнего императора Ян Цина, бок о бок с которым проливал кровь за единый престол. За долгие годы правления старый вояка прослыл человеком на редкость закоснелым и осторожным. Злые языки величали его трусом и ничтожеством, сторонники же утверждали, что он просто выжидает своего часа. Так или иначе, восседая на богатейших землях, старый князь Цэнь свято блюл одно правило: никогда не совать нос в чужие дразги. Бэйчэнь Цин и Ян Е резонно рассудили, что смогут беспрепятственно проскользнуть по кромке его владений, а затем резко уйти на север, в сторону безводных степей. Именно поэтому они без тени сомнения двинулись к заставе.

Начальник гарнизона Тунгуань, молодой воевода Бай Лин, приходился верным сподвижником великому генералу гвардии Цзинью Вэй Мэндо. Не достигнув и тридцати зим, он успел стяжать славу бесстрашного ратника и бессменно удерживал заставу последние шесть лет. Получив тайную весточку от своего покровителя ещё несколько дней назад, воевода подготовил всё необходимое для беспрепятственного прохода отряда.

Когда войско во главе с генералом Правой гвардии Юань Оумином наконец показалось у стен заставы, Бай Лин воочию узрел легендарного бунтаря — маркиза Хуайнань Ян Е — и статного Бэйчэнь Цина. Рядом с ними, прикрученный к седлу крепкими путами, уныло покачивался пресловутый Лин Шу, о чьей грозной славе судачил весь столичный люд. Пленника плотным кольцом окружала тройка братьев Ма — Тяньбао, Тяньюнь и Тяньхуа, — причём держались они

подчёркнуто поодаль, натянув удерживающие цепи и не приближаясь к нему ни на шаг.

Столь диковинное зрелище озадачило коменданта заставы, однако он поспешил навстречу гостям и, почтительно вскинув сомкнутые ладони, приветствовал прибывших:

— Господин маркиз, генерал Юань, воевода Бэйчэнь, почтенный господин Лин! Долгий и тяжкий путь пределали вы до наших неприветливых круч. Примите моё скромное почтение.

Ян Е не собирался тратить время на пустую болтовню. Одним слитным движением он выхватил клинок и прижал холодную сталь к горлу бесчувственного узника.

— Полно зубы заговаривать, — отрезал маркиз. — Ступай на стену и не дёргайся. Как только мои полки минуют заставу и окажутся в безопасности, я верну тебе твоего судейского чинушу в целости и сохранности.

Стоило Бай Линю на мгновение замешкаться в нерешительности, как Ян Е хищно ухмыльнулся и слегка повёл лезвием. Острый край мгновенно рассёк бледную кожу, и на воротник Лин Шу хлынула струйка алой крови.

<http://bllate.org/book/19546/1960783>